

“я смогла запеть только после смерти отца”

Франческа Патане — Газете

Франческа Патане: «Я не делаю свою Турандот серийной убийцей»

Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

В Большом театре открывали новый сезон оперой Пуччини «Турандот». Партию жестокой и прекрасной принцессы из Поднебесной итальянская прима Франческа Патане пела на многих именитых сценах. Московская публика ее услышала впервые. С сеньорой Франческой Патане встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Как вам московские погоды и этот дым? Он, должно быть, страшно мешает?

Погода сейчас в Италии значительно хуже, так что здесь все хорошо, а вот дым в самом деле проблема. Один день я даже ходила в маске.

И на экскурсию по городу тоже в маске?

О нет, я не настолько нежная. Если бы я была такой, меня бы жизнь давно смела.

Как ваш отец, знаменитый дирижер Джузеппе Патане, повлиял на вашу оперную карьеру?

С одной стороны, музыка и музыканты высочайшего уровня окружали меня и мой мир с самого детства, и я сама начала учиться в пять лет, так что в этом смысле мне повезло значительно больше многих других певцов, у которых не было такой возможности.

А с другой стороны? Отец наверняка сопротивлялся вашим попыткам стать певицей.

Вы правы. Причем сопротивлялся настолько, что я смогла запеть только после его смерти. Я пою только девять лет — столь силен был его авторитет.

Он умер за пультом, во время спектакля — такой смерти обычно завидуют многие люди искусства.

Да, я одним только и утешаюсь — он умер на сцене, так, как всегда хотел умереть. Это тем более символично, что он и родился на сцене. Его отец, мой дед, тоже был дирижером в театре Сан-Карло, а мать — певица, у которой начались схватки прямо на сцене.

Вы начали учиться музыке в Нью-Йорке, но в то же время, насколько я знаю, делали карьеру модели. Это было серьезно? Кто знает? Я в самом деле училась в Манхэттенской академии музыки и работала в качестве модели. Но спустя некоторое время я встретила своего будущего мужа — на этом моя карьера оборвалась. В последующие десять лет я была только матерью.

И никогда не мечтали стать Синди Кроуфорд?

Нет, конечно, это было несерьезно, так, временный заработок.

Вы говорите на четырех языках, однако в вашем репертуаре преимущественно италийские партии.

Не только — я пела и француз, но голос мой, конечно, больше подходит для немецкого репертуара. Я уже пела «Саломею» Рихарда Штрауса и, наверное, скоро последует Вагнер, но с ним я не тороплюсь. У меня итальянский голос.

Обычно Турандот очень быстро превращается в Изольду.

О нет, Изольды пока не будет — очень длинная опера (смеется). Однако «Смерть Изольды» я все же отважусь в скором времени спеть в концерте.

С виду вы очень хрупкая женщина, а для Тоски и Турандот нужен сильный голос. Чего больше в вашем человеческом характере — силы или хрупкости?

По гороскопу я и рак, и лев. Рак — это мама: готовка, уборка — все, что касается домашнего комфорта. Но на сцене я моментально превращаюсь в львицу.

Вам не кажется, что Турандот — типичная серийная убийца с фиксацией на воображаемом прошлом?

(Задумывается.) Да нет, не такая она и плохая, во всяком случае я стараюсь сделать ее меньшей мегерой, чем ее обычно изображают. Она очень молода и хрупка, и она атакует для того, чтобы не подвергнуться атаке. Что же до серийных убийц, вам надо посмотреть на меня в леди Макбет — вот где кровищи-то... (Смеется. Впрочем, эта ремарка бессмысленна — сеньора Франческа смеется почти в каждом ответе). На самом деле мы не знаем, какой видел свою героиню Пуччини, поскольку он не смог закончить финал. Но именно там Турандот раскрывается, становясь собою.

Вы не считаете, что новый финал, написанный Лучано Беррио, немного спасает ситуацию?

Мне предлагали петь в одной из постановок, где использован финал Беррио, но я отказалась — отчасти из-за неудобств в расписании, отчасти потому что слышала много критических отзывов об этой версии. Я знаю два финала Альфано, и оба они далеки от совершенства, хотя и написаны, что называется, по горячим следам. Если ученик по наброскам учителя не смог создать ничего адекватного, на что можно надеяться столько лет спустя?

Москва слышала трех знаменитых Турандот — Биргит Нильсон, Гвинет Джонс и Гену Димитрову. С кем из них, по-вашему, вас будет сравнивать пресса?

Не знаю, можно ли меня сравнить с кем-то из них. Я слышала Биргит Нильсон и Франко Корелли, когда была совсем маленькой, — на спектакле под управлением папы. Гена Димитрова — вообще одна из самых моих дорогих подруг, которую я страшно люблю. Но ни с Нильсон, ни с Димитровой меня сравнить нельзя — у меня совсем другой голос, другая концепция роли. Думаю, что отличаюсь и от Гвинет Джонс, которую я никогда не слышала в этой партии, но у нее голос также совсем иного типа. Впрочем, после премьеры вы мне сами скажете, похоже или нет.

Что вы скажете по поводу предсказаний о скорой смерти оперного искусства?

Не думаю, что опера умирает, — умирает старый стиль. Вот, скажем, эта постановка Турандот — она и классическая, и модернистская одновременно. А что до певцов в стиле Паваротти (широко разводит руки и надувает щеки), то их время действительно проходит.

Не знаю, сколько лет вашим детям, — если еще не поздно, будете ли вы их отговаривать от карьеры певцов?

Нет, конечно, не буду. Моей дочери девятнадцать, и она собирается стать адвокатом, чему я, по правде говоря, очень рада.